

Пол МакВей

The Good Son

Перевод Натальи Краюшкиной

Девять недель до святого Гавриила

2

— Давай-ка, поторапливайся. И не вздумай брать на руки собаку — прибью, — кричит мамуля из окна кухни. — Тебя это тоже касается, малышка, — говорит она Мэгги. Мама еще немного злится на меня из-за Киллера, но я ни слова не сказал о школе святого Малахии, и я в безопасности, пока держу рот на замке.

— Только одну маленькую минуточку, — говорю я и подмигиваю.

— Не подмигивай в воскресенье! — отвечает она и исчезает в окне.

Я смеюсь. Это что-то новенькое. Мы во дворе, возле конуры Киллера, которую дядя Джон сколотил из досок, оставшихся от сгоревшего дома на Гавана-стрит. Если кто-нибудь спросит, конуру сделал папа. Мамуля не хочет, чтобы люди знали, что от папы толку ноль.

— Как тут мой сыночек, а? — Я чешу черную спинку Киллера. Он падает и переворачивается. — Как мой малыш? — Я щекочу его коричневое брюшко. — Он просто супер, да, Мэгги?

— Боже, я его обожаю! — отвечает она.

— Если хочешь, он будет и твоим тоже. Но больше ничьим! — Я хмурю брови и угрожающе покачиваю пальцем.

Я очень хочу взять его на руки, но на мне одежда «на все каникулы», которую я продемонстрирую на первом модном показе летнего сезона, то есть на мессе. Сегодня первое воскресенье с тех пор, как кончился учебный год.

Из задней двери выплывает облако рыжих кудрей. Это Корь. Известная также как Мэри, наша старшая. Ее круглые щеки сплошь покрыты веснушками — осталось только несколько белых пятнышек вокруг носа. Как веснушки наизнанку.

— Пошевеливайтесь, вы двое, а то получите! — говорит Корь и мчится назад на кухню, чтобы успеть приготовить обед, пока мы будем в церкви. Она должна делать все по дому, как мамуля, потому что она девочка. Мальчикам ничего делать не надо, но я всегда помогаю, потому что иначе это просто нечестно.

— Так, всё! — не выдерживает мамуля.

Я бегу в дом, малышка Мэгги — хвостом — за мной. Мы у мамы тренированные, как те детишки в «Звуках музыки», только с голосом как у нашей мамули никакой свисток не нужен. Ну и сама она, прямо скажем, не Джули Эндрюс.

Мамуля прикладывает палец к губам — это значит, что папа еще спит. Мы все должны вести себя тихо, чтобы он от нас не ушел. Или еще хуже — снова не начал пить. Она берет за руку малышку Мэгги и выходит на улицу. Я за ними.

— Клянусь Всемогущим Господом, если я опоздаю на мессу, то за себя не отвечаю! — ворчит мамуля, пока ее маленькие ножки движутся со скоростью 100 километров в час.

Чем дальше мы идем, тем более ветхой и грязной становится улица. Скоро они снесут эти трущобы. В самом конце, за Флак-стрит, видно, как возле Нейтральной Полосы строят гигантские баррикады из рифленого железа. Чтобы держать нас внутри, а протестантов — снаружи.

Мы поворачиваем на Бромптон-парк-роуд и поднимаемся на холм. Мы торопимся, поэтому все молчат. Но мне наплевать. Я доволен, как слон, потому что теперь у меня есть Киллер, и я только и думаю о том, как вернуться из церкви и снова буду с ним играть. К тому же сейчас каникулы, поэтому мультики показывают каждое утро. А еще «Флэш Гордон» и старые черно-белые фильмы. И хоть я и не иду в школу святого Малахии, до святого Гавриила еще целых девять недель. Куча времени, чтобы придумать план спасения.

В церкви все будут в восторге от моей новой футболки. Она просто роскошная. Я выбрал ее, потому что на ней американский флаг. Наш Пэдди говорит, что это полное дерьмо, но это потому, что он слишком много о себе думает, после того как на Пасху оделся как руд-бой¹. Если хочешь по-настоящему

---

¹ Руд-бой — молодежная субкультура, зародившаяся в 60-е годы на Ямайке и впоследствии ставшая популярной в Великобритании. В одежде руд-бой подражали стилю американских гангстеров.

измениться, нужно дождаться, когда тебе купят новую одежду на Рождество, Пасху или на лето. На прошлое Рождество все вдруг оделись как моды². Понятия не имею, как они узнают, когда в каком стиле одеваться. Наверное, они договариваются, когда играют на улице. Я не играю с другими детьми. Только с малышкой Мэгги.

Вы только посмотрите на меня в моих потрясных, суперских, крутейших американских бейсбольных бутсах. Мы называем их кроссовками, в Америке их называют сникерсами. Я запоминаю американские слова, когда смотрю телек, чтобы не выглядеть полным лохом, когда приеду. Я очень хочу уехать в Америку. Буду работать в дайнере. У меня есть свои мечты.

Вниз по улице ползет «Сарацин», сверху торчат головы снайперов. Это танк, только толще, и скреплен болтами, как Франкенштейн. Ха, танкенштейн!

Я делаю прыжок, как боксер, и исполняю небольшой танец на обочине.

— Микки! Если ты угробишь эти кроссовки, будешь до конца лета босиком шлепать! — говорит мамуля. — Хватит вести себя как недоумок!

— Это не кроссовки, мама, это сникерсы, — отвечаю я.

— Я тебе ими по голове настучу, если не перестанешь со мной спорить, противный мальчишка! Тогда узнаешь, почем фунт лиха от Джо МакКиббона!

Я понятия не имею, что именно она имеет в виду, но общая идея сводится к тому, что мне будет больно. Мамуля знает, что на самом деле я хороший мальчик, просто иногда я действую ей на нервы. Но я ничего не могу с этим поделаться. Сейчас я просто тащусь от самого себя.

Мы добираемся до вершины Бромптон-парка, и я смотрю вниз на Болхолм-драйв.

— Мама, я подожду здесь Вонючку?

— Да что ж ты за наказание! Это опасно, до Шанкил-роуд рукой подать, — отвечает она. На Шанкил-роуд живут шанкильские мясники. Они рубят на куски не свиней, а католиков. Не думаю, что они съедят нас, хотя я бы этому не удивился.

---

² Моды — британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 50-х годов. Последователи мод-движения культивировали щегольство, стараясь подражать стилю итальянцев и французов.

— Я не буду заходить за церковь, я же не дурак, — не унимаюсь я. — Смотри, вон он уже идет. Ну пожалуйста!

— Мамочка, можно я с ним подожду? — ноет малышка Мэгги.

— Видишь, что ты наделал? Попробуй только опоздать на мессу, слышишь меня? — шипит мамуля и тащит Мэгги за собой.

Ненавижу проклятых протестантов, которые живут через дорогу, потому что из-за них мне нельзя играть с Вонючкой. Мы договорились встретиться здесь в наш последний день в Святом Кресте. Я не сказал Вонючке, что не иду в школу святого Малахии.

В витрине магазина висит плакат ИРА. Лицо человека. Он смотрит на меня и хмурится. Рука, как будто висящая в воздухе, прикрывает ему рот. И надпись: «Болтовня может стоить жизни». Нужно всегда быть осторожным. Держать рот на замке. Я двигаюсь — и глаза на плакате как будто следуют за мной. Как на трехмерной картинке с Иисусом дома у тетушки Кейтлин.

— Ты прикинь, — говорит Вонючка, как будто мы и не прерывали разговор. — Подваливаешь ты к кому-нибудь и говоришь: «Отлично выглядишь», а когда он улыбнется, ты такой: «Кто насрал на тебя?» — Он просто умирает со смеху, а я думаю про себя, что это ужасно, так разговаривать с людьми. — Услышал это вчера на улице. Все постоянно так прикалываются. Это прикол века. А у вас так делают?

— Да, — отвечаю я. — Я не иду в школу святого Малахии. — блин, я не думал, что это скажу (вот так и работает болтовня!). — Я иду в школу святого Гавриила.

— Ты идешь в школу святого Гава? — его глаза вылезают из орбит. — Какого лешего?

— Сказал им, что не хочу, — отвечаю я. — Сказал, что хочу остаться со своим другом. Я иду в школу святого Гавриила с Вонючкой Мартином, а вы можете засунуть свою пафосную школу себе в зад. — Я поднимаю вверх два пальца. — Спасибо! — и делаю легкий поклон.

Кажется, Вонючка просто в шоке. Боже, я гений. Это называется импровизация. Так делает Марлон Брандо. Я видел в документальном фильме.

— Ну, ваще-то у меня тоже есть новость. Я не иду в школу святого Гавриила! — говорит он, и я чувствую, как меня испепеляет инопланетный бластер.

— Почему? И куда же ты идешь?

— В какую-то школу далеко отсюда. Это школа для особых детей. — Он радостно хватает себя за член, потом берет меня в захват и делает «сливку». Я не пытаюсь вырваться, потому что, если сопротивляться, получишь еще и «крапивку» по шее.

Он даже не знает, что «особый» значит «тупой». Капец! Я думал, он будет защищать меня, как раньше в Святом Кресте. А теперь выходит, что в школе святого Гавриила я буду совсем один.

Он отпускает меня, мы подходим к дороге и ждем перерыва в потоке машин.

— Я знаю, че ты можешь замутить, когда попадешь в святого Гава! Старшие парни на улице рассказывали, че нужно делать, чтобы не огрести там проблем.

Мы перебегаем Крамлин-роуд, пока нет машин, и вот мы уже у ворот церкви Святого Креста.

— Тебе нужен кто-то еще, чтобы это сработало, — продолжает он. Этот чувак должен подойти к кому-нибудь и сказать: «Спроси у Доннели, как у его бабушки идут дела с вязаньем». И вот он подходит к тебе и говорит: «Доннели, как у твоей бабушки идут дела с вязаньем?» А ты такой, на полном серьезе, отвечаешь: «У моей бабушки рук нет» — и в этот момент он наложит в штаны, потому что решит, что ты его щас уроешь. — Клево, да? — говорит он, а сам писается от смеха.

— Шикарно, — отвечаю я, вымучивая улыбку, и думаю о том, что так ведут себя только полные отморозки. Похоже, святой Гавриил — это то же, что школа Святого Креста, только в сто раз хуже. Спрошу у нашего Пэдди. Придется быть с ним повежливей. Просто сдохнуть можно.

Церковь огромная. Здоровые серые кирпичи, лестница вверх, в две высоченные башни. Снаружи курят мужики с детьми на руках. Они делают вид, что ребенок заплакал, чтобы можно было выйти перекурить. Мы с Вонючкой окунаем пальцы в чашу с освященной водой и крестимся — это обязательно, когда заходишь, — а потом проталкиваемся через толпу опоздавших у самой двери.

Народу полно, и мы идем по проходу, высматривая мамулю и малышку Мэгги. Это как подиум. Я знаю, что все пялятся на меня. Я не смотрю на них, но чувствую исходящую от них зависть вперемешку с восторгом от моего стиля и общей крутости.

Я толкаю Вонючку на мамину скамью, и всем приходится двигаться. Мамуля смотрит на меня, и ее глаза злобно сужаются, как бы говоря мне: «Ты опозорил меня на глазах у всей этой долбаной церкви!»

